

Концепт радости в повести И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша»

Н. И. СОБОЛЕВ

(ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье производится системный анализ лексического корпуса с корнем -рад- повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша». Лексика систематизируется по принципу функционального тезауруса, что дает возможность локализовать метатекст, в котором выявляется концепт «радости».

Ключевые слова: концепт, функциональный тезаурус, лексический корпус, семантика, поэтика, художественный образ, идея.

Повесть «Неупиваемая чаша» — одно из вершинных произведений известного русского писателя И. С. Шмелева (1873–1950). Ее высоко оценивали И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт, И. А. Ильин, Т. Манн. Сам автор относился к повести как к одному из своих этапных произведений, впервые она была опубликована в 1919 г. (Шмелев, 1919), а затем при жизни автора на протяжении почти 20 лет выдержала еще четыре издания на русском языке и десять — на иностранных.

Особое значение в поэтике повести И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша» имеет речевой пласт с высокой частотностью лексем с корнем *-рад-*: *радостный*, *-ая*, *радуясь*, *возрадовался* и т. д. В научной литературе этому аспекту поэтики повести посвящены исследования Е. Чигаревой (Чигарева, 2001), Н. И. Мельника (Мельник, 2002: 82), И. Г. Минераловой (Минералова, 2003), Н. Ю. Желтовой (Желтова, 2004). Общим местом работ является указание на концептуальный, системообразующий характер лексики с корнем *-рад-*, который анализируется в терминах мотива, темы, концепта. К сожалению, исследователи в своих выводах опираются на эпизодический, несистемный анализ этого лексического корпуса, ограничиваясь, по сути, общими замечаниями. За пределами научного осмысления остается область церковно-богослужебной традиции, литературной формы, поэтики образов; на анализе этих художественных особенностей поэтики радости мы остановимся в настоящем исследовании.

Материалом исследования является лексический корпус с корнем *-рад-* изучаемого произведения Шмелева, который насчитывает

106 словоформ четырех частей речи (глаголы — 27, наречия — 25, прилагательные — 24, существительные — 30).

Обобщение лексического материала на основе функционального тезауруса (Ярхо, 1984; Борецкий, 1978; Борецкий, Кроник, 1978; Гаспаров, 1997; Луков Вал., Луков В., 2008; и др.), когнитивной семантики и семиотики (Аскольдов-Алексеев, 1928; Лихачев, 1997; Колесов, 1992; Телия, 1996; Степанов, 1997), этнопоэтики (Захаров, 2012) показывает, что в тексте произведения существует метатекст (т. е. текст в тексте, образуемый совокупностью связанных между собой значений слов с корнем *-рад-* и их синонимами), в котором выявляется концепт «радость».

Радость в качестве концепта в тексте повести «Неупиваемая чаша» раскрывается совокупностью тем, которые можно объединить в две идейно-тематические группы: 1) *темы, связанные с сакральными догматико-вероучительными идеями*: икона, пространство, молитва, благая сила, божественная энергия (благодать); 2) *темы, описывающие приземленную, профанную повседневность, сквозь которую просвечивает вечность, «бытие сквозь быт»*¹: детали повседневной жизни, веселье, скука, свобода, природа, жизнь; искусство, эмоции, любовь.

Первая лексическая группа создает в повести контекст, вводящий читателя в мир православной религиозности. Слова с корнем *-рад-* выражают радостное мироощущение сопричастия Бога и сопричастности к делу божественного домостроительства². Повествователь стремится выразить духовные совершенства главных героев в вероучительно-дог-

матической лексике, по своему идейно-тематическому и ритмо-мелодическому строю приближающейся к церковно-гимнографической традиции.

Во второй лексической группе наиболее частотными являются лексемы, связанные с описанием широкого спектра эмоций и чувств героев и повествователя. Индивидуально авторской особенностью словоупотребления является расширение семантического поля слов с корнем *-рад-* и синонимов, которые выражают не только прямые значения (душевное, духовное удовлетворение, веселье), но и переносные, антонимичные основным (отсутствие веселья, духовное томление). Таким образом, в тексте создается тематический контекст, характеризующийся двумя бинарными оппозициями: *веселье — скука, радость — грусть*.

Оппозиция *радость — грусть* встречается в описаниях и характеристиках образов крестьянского мира, иконописного мастера Арефия, монахинь, богомольцев, Анастасии, исцеленного Мартына; *веселье — скука* — в образах отца и сына Ляпуновых, дачников, учеников итальянского художника Терминелли. Первая группа образов представляет православный русский мир, выражающий идеи духовности, народности, почвенничества, церковности, вторая — объединяет образы провинциального дворянства и интеллигенции, устойчивыми характеристиками которых в повести является духовное растрепанье, гордость, оторванность от народа, отсутствие национальной идеи. Следовательно, в этом же смысловом контексте следует понимать и лексические оппозиции *радость — грусть, веселье — скука*, которые в тексте повести выполняют соответственно функции позитивных и негативных лексических маркеров, противопоставляющих духовное — профанному, народное — светскому.

Небольшая группа слов с *-рад-* описывает чувство любви Ильи к Анастасии, в основном это эпитеты, передающие чувства главного героя через разные проявления радости. Повествователь ни разу не использовал слово «любовь». Он словно бы сакрализует чувства главного героя, показывая его причастни-

ком святости, которой можно любоваться, преклоняться, но нельзя желать. В этой части повести присутствует сублимированное влияние философии В. Соловьева и младосимволистов³.

Концепт «радость» находится в состоянии постоянного становления, от эпизода к эпизоду облекаясь дополнительными значениями, расширяющими его семантическое поле, за счет окказиональных авторских коннотаций слов с корнем *-рад-*. В целом концепт обобщает значения, выраженные в лексике десяти идейно-тематических групп, которые, в свою очередь, объединяются вокруг двух основных коррелирующих тем: сакральное — мирское, образующих в тексте произведения неслиянное и нераздельное единство. Интенции концепта «радости» определяют идейную перспективу повести как текста о духовной жизни героев, в которой главенствуют борьба со страстями, духовные прозрения, чудеса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Терминологическая метафора заимствована из работы У. К. Абишевой (Абишева, 2004).

² Осуществление Божественного замысла спасения человечества в истории.

³ Исследование творческой истории повести показывает, что в процессе создания произведения И. С. Шмелев изменил его замысел: в первых трех редакциях он стремился показать «одухотворяющую силу красоты (понятую в духе философии В. Соловьева), людей, преображенных красотой, их творческие порывы, свершения», в следующих редакциях он в целом отказался от этой идеи, в то же время некоторые частные аспекты поэтики повести несут отпечаток первоначального замысла (см.: Соболев, 2012; 2013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абишева, У. К. (2004) «Бытие сквозь быт» (к проблеме эволюции творчества И. С. Шмелева 1900–1910-х гг.) // Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология. № 2. С. 80–96.

Аскольдов-Алексеев, С. А. (1928) Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. 2. Л.: Academia. С. 28–44.

Борецкий, М. И. (1978) Художественный мир и частотный словарь поэтического произведения (на материале античной литературы) // Из-

вестия АН СССР. Сер.: Литература и язык. № 4. С. 453–461.

Борецкий, М. И., Кроник, А. А. (1978) Опыт анализа некоторых сторон социально-психологической атмосферы античной литературной басни (Федр, Бабрий, Авиан) // Вестник древней истории. № 3. С. 157–168.

Гаспаров, М. А. (1997) Художественный мир М. Кузьмина: Тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Избр. труды : в 2 т. М. : Языки. Т. 2: О стихах. С. 416–433.

Желтова, Н. Ю. (2004) «Наша красота не красота, как Бог, а Бог как красота»: поэтика «радостной святости» в «Неупиваемой чаше» И. С. Шмелева // Русская словесность. №8. С. 18–25.

Захаров, В. Н. (2012) Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М. : Индрик.

Колесов, В. В. (1992) Концепт культуры: образ — понятие — символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. № 16. С. 16–25.

Лихачев, Д. С. (1997) Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М. : Academia. С. 3–9.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального ин-та бизнеса.

Мельник, В. И. (2002) Радость: христианское понятие и художественный мотив: «Неупиваемая чаша» И. Шмелева // Литература и культура в контексте христианства : Мат. III Международной научной конференции (Ульяновск, 19–20 июня 2002 г.). Ульяновск. С. 82–84.

Минералова, И. Г. (2003) «Неупиваемая чаша» И. С. Шмелева: стиль и внутренняя форма // Литература в школе. № 2. С. 2–8.

Соболев, Н. И. (2012) Из творческой истории повести И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск ; М. : Изд-во ПетрГУ. Вып. 7. С. 328–342.

Соболев, Н. И. (2013) Повесть И. С. Шмелева «Неупиваемая чаша»: творческая история, поэтика, текст. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ.

Степанов, Ю. С. (1997) Константы. Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры.

Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры.

Чигарева, Е. (2001) Заметки о музыкальной (мотивной) организации повести Ивана Шмелева «Неупиваемая чаша» // Двенадцать этюдов

о музыке: к 75-летию со дня рождения Евгения Владимировича Назайкинского : сб. ст. М. : Моск. гос. консерватория им. П. И. Чайковского. С. 126–138.

Шмелев, И. С. (1919) Неупиваемая чаша // Литературный сборник «Отчизна». Симферополь : Рус. книгоизд-во в Крыму. С. 89–147.

Ярхо, Б. И. (1984) Методология точного литературоведения (набросок плана) // Контекст–1983 : лит.-теорет. исслед. М. : Наука. С. 197–236.

Дата поступления: 24.04.2013 г.

*THE CONCEPT OF JOY IN I. S. SHMELEV'S
STORY ENTITLED*

«THE INEXHAUSTIBLE CUP»

N. I. Sobolev

(Petrozavodsk State University)

The article makes a system analysis of the lexemes with radical -rad- in the story «The Inexhaustible Cup» by I. S. Shmelev. The lexis is systematized on the principle of functional thesaurus. This gives an opportunity to localize the metatext where the concept of joy can be revealed.

Keywords: concept, functional thesaurus, lexical corpus, semantics, poetics, imagery, idea.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Abisheva, U. K. (2004) «Bytie skvoz' byt» (k probleme evoliutsii tvorchestva I. S. Shmeleva 1900–1910-kh gg.) // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9: Filologiya. № 2. S. 80–96.

Askold'ov-Alekseev, S. A. (1928) Kontsept i slovo // Russkaia rech'. Novaia seriia. Vyp. 2. L. : Academia. S. 28–44.

Boretskii, M. I. (1978) Khudozhestvennyi mir i chastotnyi slovar' poeticheskogo proizvedeniia (na materiale antichnoi literatury) // Izvestiia AN SSSR. Ser.: Literatura i iazyk. № 4. S. 453–461.

Boretskii, M. I., Kronik, A. A. (1978) Opyt analiza nekotorykh storon sotsial'no-psikhologicheskoi atmosfery antichnoi literaturnoi basni (Fedr, Babrii, Avian) // Vestnik drevnei istorii. № 3. S. 157–168.

Gasparov, M. L. (1997) Khudozhestvennyi mir M. Kuz'mina: Tezaurus formal'nyi i tezaurus funktsional'nyi // Izbr. trudy : v 2 t. M. : Iazyki. T. 2: O stikhakh. S. 416–433.

Zheltova, N. Iu. (2004) «Nasha krasota ne krasota, kak Bog, a Bog kak krasota»: poetika «radostnoi sviatosti» v «Neupivaemoi chashe» I. S. Shmeleva // Russkaia slovesnost'. № 8. S. 18–25.

Zakharov, V. N. (2012) Problemy istoricheskoi poetiki. Etnologicheskie aspekty. M. : Indrik.

Kolesov, V. V. (1992) Kontsept kul'tury: obraz — poniatie — simbol // Vestnik SPbGU. Ser. 2. Vyp. 3. № 16. S. 16–25.

Likhachev, D. S. (1997) Kontseptosfera russkogo iazyka // Russkaia slovesnost': ot teorii slovesnosti k strukture teksta : antologija / pod obshch. red. V. P. Neroznaka. M. : Academia. S. 3–9.

Lukov, Val. A., Lukov, Vl. A. (2008) Tezaurusy: Sub'ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia. M. : Izd-vo Natsional'nogo in-ta biznesa.

Mel'nik, V. I. (2002) Radost': khristianskoe poniatie i khudozhestvennyi motiv: «Neupivaemaia chasha» I. Shmeleva // Literatura i kul'tura v kontekste khristianstva : Mat. III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ul'ianovsk, 19–20 iyunia 2002 g.). Ul'ianovsk. S. 82–84.

Mineralova, I. G. (2003) «Neupivaemaia chasha» I. S. Shmeleva: stil' i vnutrenniaia forma // Literatura v shkole. № 2. S. 2–8.

Sobolev, N. I. (2012) Iz tvorcheskoi istorii povesti I. S. Shmeleva «Neupivaemaia chasha» // Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr.

Petrozavodsk ; M. : Izd-vo PetrGU. Vyp. 7. S. 328–342.

Sobolev, N. I. (2013) Povest' I. S. Shmeleva «Neupivaemaia chasha»: tvorcheskaiia istoriia, poetika, tekst. Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU.

Stepanov, Iu. S. (1997) Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. M. : Iazyki russkoi kul'tury.

Teliia, V. N. (1996) Russkaia frazeologija: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. M. : Iazyki russkoi kul'tury.

Chigareva, E. (2001) Zametki o muzykal'noi (motivnoi) organizatsii povesti Ivana Shmeleva «Neupivaemaia chasha» // Dvenadtsat' etiudov o muzyke: k 75-letiiu so dnia rozhdeniia Evgeniia Vladimirovicha Nazaikinskogo : sb. st. M. : Mosk. gos. konservatoriia im. P. I. Chaikovskogo. S. 126–138.

Shmelev, I. S. (1919) Neupivaemaia chasha // Literaturnyi sbornik «Otchizna». Simferopol' : Rus. knigoizd-vo v Krymu. S. 89–147.

Iarkho, B. I. (1984) Metodologija tochnogo literaturovedeniia (nabrosok plana) // Kontekst-1983 : lit.-teoret. issled. M. : Nauka. S. 197–236.

Образ России в романе А. Макина «Французское завещание»

О. В. КАЛИНИНА

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье рассматриваются составляющие образа России в романе А. Макина «Французское завещание», анализируется роль французской темы в конструировании образа России.

Ключевые слова: А. Макин, «Французское завещание», образ России, русский национальный характер, советская история.

Андрей Макин (род. 1957) — французский писатель русского происхождения, лауреат Гонкуровской премии («Французское завещание», 1995). А. Макин с 1987 г. живет во Франции, пишет на французском языке, центральная тема его произведений — история России, советская эпоха, с которой связаны ностальгические воспоминания автора о детстве, размышления о русском характере.

Один из приемов конструирования образа России в романе «Французское завещание» — «французская подсветка», введение француз-

ской темы, позволяющей дать сопоставление России и Франции. Так, в интервью с писателем возникает оппозиция Франции и России как цивилизации и природы: «французы — это цивилизация, культурный фонд... А мы где родились? В степи, в огромных просторах» (Балеевских, 2002: 225). Показательно, что эта мысль находит последовательное воплощение в романе, где Франция представлена сферой культуры, а Россия — это бескрайние степи, заснеженные поля и стихийность, безграничность характера.